

И вечный бой. Покой нам только снится Сквозь кровь и пыль... Летит, летит степная кобылица И мнет ковыль... А. А. Блок Тему сочинения я выбираю вполне осознанно, потому что считаю ее очень актуальной, интересной, хотя и небезопасной. Писать о революции в наши дни трудно, потому что в оценке этого явления человеческой истории сейчас наблюдается полная неопределенность. С одной стороны, революцию объявляют аморальной, причем такая оценка дается лишь революции 1917 года в России, а, например, революция конца XVIII века во Франции по-прежнему считается «Великой». С другой стороны, многие убеждены, что революция была благом для России, она спасла страну от гибели и принесла счастье простому народу. Чтобы принять чью-то точку зрения и высказать свое мнение, нужно, мне кажется, обратиться к свидетельствам той эпохи, к дням, «которые потрясли мир». Важное место среди таких свидетельств принадлежит произведениям, созданным поэтами, писателями, художниками, композиторами, то есть людьми, которые тоньше, чем другие, чувствуют дух и атмосферу своего времени. А первым русским поэтом, откликнувшимся на «мировой пожар», был Александр Александрович Блок, автор знаменитой поэмы «Двенадцать». Эту поэму надо читать много раз, чтобы понять ее смысл, угадать позицию автора, а через нее — и смысл революции. Но читать одну поэму — это значит оторвать ее от всего творчества А. Блока, изолировать ее от того мучительного пути к родине, России, по которому прошел поэт, чтобы в конце его, поставив точку в поэме «Двенадцать», записать в дневнике: «Сегодня я — гений». Весь жизненный и поэтический опыт подготовил Блока к тому, чтобы откликнуться на революцию практически мгновенно, вслед происшедшему. Поэтому поэма «Двенадцать» воспринимается не как хронология события, не как хвалебная ода взявшим власть большевикам, а как отклик сердца и души поэта на то, что он называл «музыкой революции». Для Блока революция — это прежде всего стихийный взрыв народного возмущения, «возмездие» тем, кто держал народ в нищете и темноте. Этот взрыв символически обозначен в самом начале поэмы: Ветер, ветер — На всем божьем свете! Перечислив представителей мира сытых и бездушных: буржуя, витию, попа, — Блок в девятой главе дает обобщенно-символический образ тех, кто виновен в страданиях народа: Стоит буржуй, как пес голодный, Стоит безмолвный, как вопрос. И старый мир, как пес безродный, Стоит за ним, поджавши хвост. Сравнение старого мира с безродным псом не оставляет сомнения в том, что этот мир глубоко антипатичен поэту, что Блок искренне убежден в необходимости и исторической целесообразности его уничтожения, как в этом были убеждены, между прочим, не только большевики, но и многие честные патриоты России, отнюдь не сторонники пролетарской диктатуры, задолго до событий октября 1917 года. Но ведь Блок совсем не в восторге и от тех, кто «на горе всем буржуйам» раздувает пожар революции: В зубах — сигарка, примят картуз, На спину б надо бубновый туз! Это далеко не «твердокаменные большевики», «пламенные революционеры», как потом называли тех, кто штурмовал Зимний дворец, а деклассированные элементы, люмпены, по которым, говоря образно, «плачет тюрьма». И ведут они себя соответственно: восприняв свободу как вседозволенность, Ванька, один из двенадцати, в порыве ревности убивает Катюку. По мнению поэта, вершители революции и не могли быть другими, потому что такими их сделал «старый мир». Это те «кровь и пыль», сквозь которые народ идет к справедливой жизни. Величайшая заслуга Блока, по-моему, состоит, однако, не в том, какими он нарисовал революционеров, а в том, что он уловил и передал в поэме диалектику истории: любое значительное событие, в том числе и революция, спланирует и дисциплинирует участников, направляет их силы и волю на достижение важной цели, а также изменяет, преображает каждого из тех, кто участвует в исторической драме. Так было и во время Отечественной войны 1812 года, когда бок о бок сражались барин и холоп, освобождая Россию от нашествия Наполеона, так было и во время революции 1917 года. Товарищи не только требуют от Ваньки: «Над собой держи контроль!», но грозно напоминают ему: Не такое нынче время, Чтобы нянчиться с тобой! Бывшие люмпены почувствовали ответственность за совершенное и готовы взять ее на свои плечи, отвечать за судьбу России. В последней главе поэмы двенадцать, которых автор теперь называет «рабочий народ», «вдаль идут державным

шагом». А. Блок нашел удивительно точный эпитет: «державными» могут быть действия тех, кто сознательно и осмысленно продолжает начатое, в ком месть сменяется идеей созидания. В этом мне видится пророчество поэта, не услышанное новой властью, которая, пренебрегая созиданием, в течение многих лет все силы направляла на возмездие старому миру, не замечая порой, как под топор возмездия попадали и те, ради блага которых совершалась революция. Мне кажется, что такой же пророческий смысл имеет в поэме и образ Иисуса Христа, который, оставаясь невидимым, возглавляет отряд красногвардейцев в финале поэмы. Этот образ, появившийся в поэме неожиданно и для самого Блока, напоминает о милосердии, о том, что революция не может и не должна стать кровожадным монстром, пожирающим своих детей. Не случайно ведь в статье «Интеллигенция и революция» поэт призывал всем сердцем слушать музыку революции. А «сердце» и «музыка» несовместимы с насилием и страданием, а тем более с кровью невинных. Иисус Христос и призван был напомнить об этом тем, кто решился на переделку мира. Александр Александрович Блок написал честную и чистую от сиюминутных пристрастий поэму о революции. Мне кажется, что такой и была наша революция в самом начале. И не вина Блока в том, что она изменилась впоследствии, как нет в том вины и самой революции, потому что ее характер изменили люди, не умевшие или не желавшие слушать сердцем свой народ. История уже дала оценку этим людям, а суть революции помогла мне понять гениальная поэма Александра Александровича Блока «Двенадцать».